

ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Е. Вершинин

Вершинин Сергей Евгеньевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург); E-mail: Blochowed@yandex.ru

ОБРАЗ ГДР В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1950-1970-х ГОДОВ: ВЗГЛЯД СВЕРХУ И СНИЗУ

В статье выделяются два этапа в освещении отношений СССР и ГДР в советской периодической печати, первый этап (1950-1960-е годы) — позиционирование превосходства СССР во всех сферах жизни ГДР, второй этап (с 1970-х до второй половины 1980-х годов) — подчеркивание партнерских отношений, дается характеристика разрыва между идеологическим образом ГДР в советской периодической печати и восприятием ГДР в историческом и повседневном сознании граждан СССР, наличие в публицистике противоречивого сочетания дистанцирования и стремления к дружбе с населением Восточной Германии.

Ключевые слова: социально-историческая дистанция, превосходство СССР над ГДР, стереотипы восприятия, новые люди, исторические аналогии.

S. Vershinin

Sergey Vershinin (Yekaterinburg) – Doctor of Philosophical Sciences, Professor at Russian State Professional Pedagogical University, Department of Sociology; E-mail: Blochowed@yandex.ru

THE IMAGE OF THE GDR IN THE SOVIET PERIODICAL PRESS IN THE 1950s – THE 1970s: THE VIEW FROM ABOVE AND FROM BELOW

The author outlines two stages of analysis of relations between the USSR and the GDR in the Soviet periodical press; the first stage (the 1950s – the 1960s) was characterized by the positioning of the USSR's supremacy in all spheres of life in the GDR; during the second stage (the 1970s – the late 1980s) the cooperation between the sides had been emphasized. The article characterizes the difference between the ideological image of the GDR in the Soviet press and the perception of the GDR in the historical and daily consciousness of the USSR's citizens, the existence of an inconsistent combination of distancing and aspiration for friendship with the population of the GDR in political journalism.

Key words: social-historical distance, the USSR's supremacy over the GDR, stereotypes of perception, new people, historical analogies

Историческое поражение «социализма в цветах ГДР» — особенно на фоне обострявшегося распада СССР — было воспринято россиянами достаточно спокойно. Внимание населения было приковано к нарастающим экономическому и политическому кризисам. Внутренние проблемы оказались важнее внешнеполитических и потому после «поворота» 1989-1990 годов образ ГДР стал

ИССЛЕДОВАНИЯ

постепенно исчезать из массового советского сознания. Однако это событие снова стало актуальным в 2014 году в связи с двумя знаковыми юбилеями: 20-летием вывода советских войск из ФРГ и 25-летием падения Берлинской стены¹, а события 2014-2015 годов на современной Украине воспринимаются как аналог исторических отношений ФРГ и ГДР. Эти юбилеи заставляют снова и снова ставить вопросы о специфике восприятия ГДР советскими средствами массовой информации, а также о том, насколько соответствовали установкам официальной пропаганды стереотипы массового сознания граждан СССР [7]. Мы попытаемся ответить на эти вопросы в одном аспекте — освещении жизни ГДР в массовой периодике СССР (на примере журнала «Огонёк» за 1950-1970 годы) и в популярных изданиях, специально посвященных ГДР.

Состояние войны между СССР и Германией означало также и существование философских, идеологических, политических, культурных противоречий и как следствие — большой социально-культурной дистанции между гражданами этих государств. Исходное противоречие между победителями и побежденными снималось в официальной политике тезисом И.В. Сталина от 1942 года о невинности немецкого народа: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское — остается» [15, с. 43]. Положение о дружбе вошло в одну из статей Конституции ГДР: «Германская Демократическая республика навечно и необратимо связана узами дружбы с Союзом Советских Социалистических Республик. Тесный и братский союз с СССР гарантирует народу Германской Демократической Республики дальнейшее продвижение по пути социализма» [20, с. 12].

Параллельно доминировавшему холистскому концепту «народа ГДР» в репортажах и статьях заметно дифференцированное отражение стереотипов массового сознания и исторического опыта

1 Канцлер ФРГ А. Меркель 9 ноября 2014 года открыла мемориал «Берлинская стена» на Бернауэрштрассе, который является центральным элементом в освещении событий 1989 года [См. подробнее 44].

советских людей. Позитивные стереотипы советского массового восприятия Восточной Германии хорошо схвачены в предисловии к путеводителю «Небольшое путешествие по ГДР»: «Может быть, думая о ГДР, Вы вспоминаете о Лейпцигской ярмарке или о Дрезденской Картинной галерее, а может быть, об оптике, выпускаемой цейсовскими заводами, или о майсенском фарфоре, или о кружевах из Плауэна» [25, с. 5]. Идеологически грамотные граждане СССР могли бы вспомнить о первой типографии большевистской газеты «Искра» в Лейпциге, а прагматично настроенные — о сервизах «Мадонна», мебели из ГДР («Жилая комната»), и особо — о магазине «Лейпциг» в Москве².

И все же на уровне повседневности эмоциональная дистанция многих граждан СССР по отношению к гражданам ГДР — от негативности до настороженности — сохранялась на протяжении нескольких послевоенных десятилетий.

Это было связано, прежде всего, с опытом военного времени. О том, какие негативные чувства испытывали советские солдаты и офицеры, напишет бывший политработник Г. Вайс спустя 29 лет после окончания войны: «Поездка по Берлину взволновала нас еще и по другой причине. Что скрывать, мы не забыли — не могли забыть — ту пору, когда каждый из нас ненавидел этот город» [5, с. 227]. Писатель Д. Гранин вспоминал: «В 1957 году, когда я впервые был приглашен издательством в ГДР, друзья осуждали меня: как ты можешь ехать в Германию? Официальная пропаганда настойчиво отделяла немцев от фашистов, в наро-

2 Магазин «Лейпциг», существующий и сегодня, был открыт в Москве в 1965 году. В нем продавались разнообразные товары из ГДР. И если сама ГДР была витриной социализма, обращенной к Западу, то «Лейпциг», по крайней мере, на взгляд покупателей из советской провинции, был витриной гдровского социализма, обращенной к советскому потребителю: «...Глаза разбегаются. Особенно много соблазнов для женщин... Красиво упакованные флаконы и тюбики таят в себе самые последние достижения волшебников сегодняшнего дня — химиков и фармакологов...Если же покупательница растерялась при виде всего этого изобилия или не умеет обращаться с новым средством, два немецких косметолога ждут ее в специальной комнате и совершенно бесплатно посвятят во все таинства великой науки быть красивой...» [2, с. 5]. См. также [9].

ИССЛЕДОВАНИЯ

де же еще пылала ненависть за причиненное горе, не разбирали – кто фашист, кто не фашист» [14].

При выступлении представителей Совета мира ГДР в Москве в 1965 году — казалось бы, самых проверенных и надежных людей — советские слушатели, особенно с фронтовым опытом, задавали вопрос: «Что вы делали, когда у власти в Германии был Гитлер?» [3, с. 26] При этом оказывалось, они не одиноки в своем вопрошании — латентный конфликт поколений в Восточной Германии также приводил к таким вопросам: «... сыновья спрашивают отца, почему же все-таки многие люди поняли сразу, что такое фашизм, а он не понял. И еще спрашивают, сколько бомб он сбросил, на какие города, на какие дома и были ли там дети, вот такие же, как они [3, с. 28].

Опыт военного послевоенного знакомства с примитивными представлениями немецкого населения о советских людях формировал снисходительное отношение к жителям Восточной Германии: «Какие дикие представления имели о нас немцы! И не простой человек с улицы, но и образованные, культурные люди, интеллигенты. Был случай, когда один такой интеллигент, осмелев, попросил меня показать, действительно ли у нас на пиджаках, там, где обычно нашивался знак фирмы, проставлен номер. — Мне говорили, — смущенно объяснял мне интеллигент, — что у вас костюмы не личные, а государственные и выдаются только тем, кто выезжает за границу... Правда ли это? Были вопросы и почище...» [5, с. 209].

Бывшие заключенные нацистских концлагерей — солдаты Красной Армии — рассказывали еще более фантастические истории: «Кажется, здесь гнали нас тогда — задумчиво говорит мне Анатолий Бондарчук, когда мы проходим по Тельманштрассе (в Дрездене — С.В.). — Помню, ко мне подбежала старая немка, сдернула с головы фуражку и дрожащей рукой стала щупать волосы повыше лба. Только потом я догадался: она искала рога...» [29, с. 12 – 13].

Даже в 1980-х годах, когда сотрудничество ГДР и СССР насчитывает уже несколько десятилетий, в печати встречаются возгласы отчаяния с советской стороны по поводу незнания гражданами

ГДР русской культуры. Так, повествуя о фестивале Г. Генделя в Галле в 1988 году, автор статьи пишет: «Когда мы рассказали в галльской ратуше, что в Ленинграде уже трижды проходил фестиваль «Невские хоровые ассамблеи», что в программах его звучит русская хоровая музыка, начиная с XI века, просвещеннейший человек доктор Мейер сказал, что для него это — откровение» [13, с. 8].

Население ГДР воспринималось под разным углом зрения авторами из ГДР и СССР. Авторы из ГДР акцентировали свое внимание на проблемах преодоления тяжелого идеологического наследия и его влияния на сознание жителей Восточной Германии. Так, например, известный немецкий писатель Стефан Гейм дал в 1957 г. почти социологический набросок тех групп граждан ГДР, которые не готовы принять социализм. Он выделил 5 таких групп: 1) «агенты Запада», наносящие вред делу социализма, 2) обыватели, спекулирующие товарами между зонами Берлина, заодно распространяющие дикие слухи и сплетни, 3) саботажники, создающие путаницу в экспортно-импортных операциях, 4) выжидающие, кто сильнее — Москва или Вашингтон (они же перестраховщики), 5) формально поддерживающие партию и рабочий класс, но при этом рассчитывающие на место чиновника...» [11, с. 18].

С советской стороны делался акцент на позитивных изменениях в политической и социальной структуре ГДР. Во многих публикациях, особенно 1950-1960-х годах, в качестве первых друзей СССР рассматривались, прежде всего, антифашисты и узники концлагерей³. Далее шли передовики промышленного и сельскохозяйственного производства — ведь коренные изменения в условиях труда и жизни привели к появлению новых людей:

3 См. многочисленные рассказы про узников концлагерей и подпольщиков: [4; 24; 32;34]. Никто и предположить не мог, что после 1990 года в экспозициях 10 бывших нацистских концлагерей на территории Восточной Германии появятся специальные разделы, посвященные их превращению в специальные лагеря НКВД, существовавшие до 1950 года. Эта тема практически не освещается в современной российской печати и только левая печать ФРГ пытается протестовать против практики уравнивания фашистских лагерей смерти и лагерей НКВД.

ИССЛЕДОВАНИЯ

«Рационализаторы, изобретатели, лауреаты национальных премий, ученые, депутаты Народной палаты — вот оно, новое поколение немцев. Среди них есть и соратники Эрнста Тельмана и совсем молодые коммунисты, пожилые люди, познавшие горечь послевоенного плена, и вчерашние школьники, для которых слова «Москва», «Советский Союз» с раннего детства были синонимами самого дружеского и прекрасного» [33, с. 2]. «Новые люди» — этот мотив красной линией проходит через все статьи и заметки. В 1966 г. по случаю 17-летия ГДР отмечается: «...Хотелось бы поздравить республику с самым главным ее успехом — с новыми людьми, с теми, кто ее строит и кто ее защищает» [16, с. 4]. В 1971 году в поздравительной заметке с оттенком метонимии говорится: «Сложным и нелегким был путь гражданина ГДР от активиста первых лет до сегодняшнего передовика производства, политически сознательного труженика, преданного своей социалистической родине. Но именно они, эти новые люди, преобразили свою страну» [30, с. 3]. Акцент на «новых людях» должен был создать впечатление, что в ГДР идут те же культурно-антропологические трансформации, что и в СССР. Словесный портрет «нового немца» почти ничем не отличался от образа советского человека. Подобной риторикой реально существующая разница сглаживалась или казалась несущественной на фоне принципиального идеологического сходства.

Казалось бы, дистанция — в силу культурных обменов, сотрудничества между предприятиями и общественными организациями — особенно на уровне интеллектуалов обеих стран — постепенно сокращалась. Это ощущение емко выразил поэт Константин Ваншенкин, участвовавший в 1970 году во встречах с литераторами ГДР: «Многие из участников дискуссии и с нашей и с немецкой стороны — активные участники войны. Подходя к вопросу житейски, в узком, даже в личном плане, можно сказать: очень удачно получилось, что мы друг друга не убили, — а беря проблему шире, скажем: прекрасно, что мы сидим в одном зале, свободно беседуем и понимаем друг друга» [6, с. 148 – 149].

Тем не менее, социально-культурная дистан-

ция между гражданами СССР и ГДР существовала и, на наш взгляд, дополнялась в популярной литературе подчеркиванием социального, экономического, политического превосходства СССР сначала над Германией, а потом и ГДР.

Во-первых, отвлекаясь от общеизвестных фактов военного превосходства (которое затем поддерживалось самим фактом существования Западной группы войск), авторы (особенно бывшие фронтовики) подчеркивали морально-идеологическое превосходство советских людей, которому противостояло «идейное и моральное разложение среди немцев, не нашедших в себе силы самим освободиться от фашистской диктатуры» [1, с. 11].

Во-вторых, часто указывалось на превосходство по природным ресурсам: «ГДР... опирается на поставки из СССР по природному газу на 100%, нефти — примерно на 90, железной руде — на 65, древесине — на 100 и хлопку — почти на 90 процентов» [1, с. 66]. Это постоянный ресурсный рефрен сопровождался иногда своеобразными демагогически-экономическими аргументами: «...предметы длительного пользования в ГДР в два-три раза дороже, чем в Советском Союзе» [1, с. 46].

В-третьих, обнаруживалось климатически-производственное превосходство советских людей. Проблемы с трудовой советской этикой легко гасились различными легендами и байками о немецкой «морозофобии». Вот один из характерных рассказов: «Лет десять назад мне довелось быть в ГДР зимой. В январе обильно выпал снег и ударили морозы. Остановились поезда, нарушилось отопление и водоснабжение целых районов. Ощущались острые перебои в работе ряда отраслей промышленности. И это всего при двадцати градусах ниже нуля!» [См: 1, с. 32]⁴.

4 Однако немцы не были бы немцами, если бы пассивно реагировали на проблему труда в зимних условиях: «Мы уже разработали проект костюма строительного рабочего для зимы: легкий, удобный, с электрическим обогревателем от небольшой батарейки. Думаю, что в таком костюме будет одинаково хорошо и на Одере и на Ангаре» [33, с. 3]. Здесь надо отметить следующий парадокс: военный миф о мерзнувших немцах развеивается мирным опытом общения с ними. Национальные традиции сна в холодной спальне в сочетании с занятиями спортом, закаливанием и терпеливостью

ИССЛЕДОВАНИЯ

Логическим следствием позиции превосходства (исторического первенства, большей социальной опытности) становится установление вертикальных отношений «учитель — ученик», нашедших воплощение в знаменитом лозунге «Учиться у Советского Союза — значит, учиться побеждать». Но это означает повторение советского опыта в восточногерманском варианте. Соответственно, авторы замечают и подчеркивают общие моменты. Конфискация земли у помещиков характеризуется следующим образом: «загудела провинция, заворошилась, — с довольной улыбкой сказал Василий Михайлович. — Как и у нас в свое время» [1, с. 14]. В репортажах сквозит чувство превосходства старшего брата — крестьяне открыли для себя преимущества коллективизации, а металлурги освоили скоростную выплавку стали — «метод советского сталевара Амосова» [10, с. 10].

Проведение аналогий становится излюбленным приемом журналистов. Строительство крупной электростанции оценивается по аналогии с опытом СССР: «Название «Боксберг» стало для немецкого народа таким же популярным, как и у нас Магнитка, Днепрогэс. Братск, Дивногорск» [1, с. 20]. Когда речь идет о выходе ГДР на мировые морские пути, используется образ «окна в Европу» [23, с. 255]. Всплывает даже мотив целины — автор из ГДР пишет: «Мои сверстники, узнав об успехах покорителей целины в Советском Союзе, отправились осваивать целинные земли и у себя, в ГДР»⁵. Сходство исторических переживаний применяется и для обоснования возможности партнерских отношений между городами СССР и ГДР: «Ленинград и Дрезден сблизил трагические события военных лет: Ленинград пережил жестокую многомесячную блокаду, Дрезден в одну ночь был превращен англо-американской авиацией в груды развалин. Однако больше всего сблизил

города на Неве и Эльбе мужество и жизнелюбие граждан, восстановивших и приумноживших их красоту» [35, с. 20]. Новые отношения в новую эпоху означают и переформатирование недавней истории: вермахт, обстреливавший Ленинград, и авиация англо-американских ВВС оказывались в одной компании. Советский антиамериканизм хорошо сочетался с чувствами жителей Дрездена и становился еще одной соединяющей скрепой.

По принципу аналогии проводилась и культурная политика. Приведем лишь два из множества примеров. В 1950-х гг. был успешно повторен советский опыт 1920-1930-х гг. по созданию рабоче-крестьянских факультетов, позволивших рабочим и крестьянам получать за короткий срок аттестат зрелости и поступать в вузы. К 1970-м гг. в ГДР остался лишь один «АБФ» — рабоче-крестьянский факультет при университете Галле-Виттенберг, функции которого претерпели изменения — 90 % выпускников уезжали на учебу в СССР, остальные в Польшу, Болгарию, Венгрию⁶. Роль рабфаков оценивалась высоко: «Руководитель сектора в отделе науки ЦК СЕПГ Зигфрид Фёрстер... рассказывал о том, какое большое значение имели и имеют сегодня в развитии экономики, науки и культуры страны советские дипломы, полученные за эти годы воспитанниками рабоче-крестьянских факультетов, назвал среди них министра горно-рудной промышленности и металлургии республики доктора Зингхубера, президента Академии педагогических наук профессора Нойнера, ректора Горной Академии профессора Роттера, декана математического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта профессора Франка и многих других...» [41, с. 30].

Другой пример — организация проката кинофильмов. Киносеансы в 1960-х годах в ГДР строились по советскому примеру: сначала показывался так называемый „Kulturfilm“ (научно-популярный фильм до 30 минут), потом шел киножурнал «Der Augenzeuge» («Свидетель»), или демонстрировал-

свидетельствуют об индивидуальной «морозостойкости», которая расходится с социальной производственной «морозобоей».

5 Авторы имеют в виду район около Рин-Хафель-Рух (Потсдамский округ), куда приехало примерно 15 тысяч человек на три года. [1, с. 89].

6 Динамика развития сотрудничества в сфере образования впечатляла — если в 1951 году единственный студент из ГДР учился в Киеве, то в 1971 году 850 граждан ГДР начали учиться в 14 советских вузах [См.: 41, с. 30; 42].

ИССЛЕДОВАНИЯ

ся аналог советского сатирического киножурнала «Фитиль» «Das Stachelier» («Колючка»), а затем, наконец, сам художественный фильм [См: 19, с. 213; 43, с. 25]⁷.

Однако позиционирование советской культурной политики как ведущей проявлялось не только во взаимодействии деятелей культуры и в виде фотографий с подписью: «Советская балерина Ольга Лепешинская дает уроки в Государственной балетной школе ГДР» [27] или ссылок деятелей культуры ГДР — даже в 1985 году (!) — на деятельность так называемых «культурофицеров»⁸.

Колебания политической линии КПСС и как следствие — колебания художественной интеллигенции — происходили сначала в СССР, а потом уже в других социалистических странах. Это давало временное преимущество советским деятелям культуры и искусства при контактах с коллегами из других соцстран. И потому с полным правом литературовед И. Фрадкин в своей книге о литературе новой Германии в 1959 году защищает позиции советского Гослитиздата от критики со стороны коллег из ГДР: «...Как же так? — грозно и негодуяюще наступали на меня один пожилой литератор и один молодой доцент. — Как мог пойти ваш Гослитиздат на издание двухтомника избранных произведений Стефана Цвейга?... Куда может повести такой либерализм? А мы вот тоже совершили акт чрезмерного великодушия, издав у себя в ГДР роман западногерманского писателя Генриха Белля «Где ты был, Адам?» И далее автор оптимистично

7 Советские эксперты в своих оценках, например, кинематографа выражались очень политкорректно, понимая сложность антифашистского культурного строительства. Так, М. Туровская, анализируя сценарии послевоенного кино в ГДР (до 1958 г.) мягко отмечает: «История кино Германской Демократической Республики — это пока еще больше история поисков, чем свершений», но дальше все-таки прямо говорит о дурных штампах и чисто декларативном характере изображения антифашистской борьбы [39, с. 3 – 9]. Об административном характере антифашизма ГДР [См.: 8, с. 47 – 59].

8 Так, Карл Кайзер, генеральный интендант театров Лейпцига, в своем обзоре театральной жизни этого города посчитал обязательным упомянуть следующее послевоенное обстоятельство: «Необычайно важным для меня было общение с советскими офицерами, которые занимались вопросами культуры, «культурофицерами» [38, с. 184].

заключает: «Радостно знать, что сейчас они уже не так сильны и не так опасны, эти люди, кричащие караул по поводу выхода в свет произведений всемирно известного писателя-гуманиста» [40, с. 390].

В 1970-е годы в публикациях становится заметен переход к партнерским отношениям, связанный с укреплением и развитием социалистического немецкого государства. Если на XI съезде СЕПГ в 1976 году ставился вопрос о строительстве развитого социалистического общества, то это — при всех возможных оговорках — означало новое самосознание политической и хозяйственной элиты ГДР: «Большие успехи, достигнутые республикой за годы социалистического строительства, выдвинули ее в число десяти наиболее развитых в промышленном отношении государств мира» [12, с. 40].

Наступает новый этап в отношениях СССР и ГДР, происходит выравнивание социально-исторического неравенства и переход к паритетному партнерству. Это отражается и в публикациях — «обмен опытом» становится постоянным рефреном: «Наши друзья — дотошные ученики. Впрочем, не то слово — «ученики». И нам надо у них учиться...» [1, с. 24], «...опыт по использованию бывших угольных разработок был не только изучен, но и с успехом применен в Советском Союзе, в частности, в Экибастузе» [1, с. 22]. Партнерство в сфере экономики означало, что «каждая новостройка молодой республики была новостройкой дружбы» [18, с. 3]. Постоянно воспроизводился параллелизм экономических и дружеских отношений: «Дружеские связи между предприятиями СССР и ГДР существуют уже не один десяток лет. На многих заводах в Берлине или Лейпциге, в Магдебурге или Дрездене вам с гордостью расскажут о сердечных отношениях с коллективом того или иного советского предприятия. Друг к другу ездят делегации, идет обмен опытом партийной, профсоюзной, молодежной работы. Стали обычными обмены и целыми рабочими бригадами» [28]. Социалистическая интеграция проявляется во всех сферах жизни: «Девушка из Куйбышева, отправляясь на танцы, оденет нарядное платье, которое сделано в ГДР на магдебургской фирме «Борман»...в

ИССЛЕДОВАНИЯ

пластиковых ящиках аппаратов, в щитках приборов, в медикаментах — совместный труд башкирских нефтяников, химиков Шведта и Лойны П» [17, с. 25].

Однако во второй половине 1980-х годов ситуация тесного партнерского взаимодействия СССР и ГДР начала меняться. Очередная и последняя советская оттепель — после прихода М. С. Горбачева к власти — натолкнулась на сопротивление руководства ГДР. В 1988 году был запрещен ежемесячный журнал «Спутник»⁹, тираж которого на немецком языке доходил до 180 тысяч экземпляров, до подписчиков не доходили номера советского журнала «Новое время». Примечательно и то, что в журнале «Огонек», например, за 1988 год не было ни одной публикации про ГДР.

Некоторые авторы пытались сохранить позицию превосходства советской стороны даже после присоединения ГДР к ФРГ. Так, например, известный российский историк Ю. Пивоваров считает, что падение Стены — это «... с одной стороны — поражение, с другой стороны — великая победа, величайшее событие, подъем русского национального духа» [27].

Подводя итог, можно отметить существование определенного разрыва между официальной идеологической картиной ГДР, рисовавшейся в средствах массовой информации СССР и восприятием ГДР советскими гражданами¹⁰. С одной стороны, позитивный образ ГДР был нужен советской политической системе, так как он оправдывал не только победу в Великой Отечественной войне, но и правильность стратегического исторического курса — даже бывшие противники вставали на путь социализма. Такой образ был нужен советскому массовому сознанию как составная часть идентичности советского человека — победителя и учителя освобожденных народов. Однако превосходство СССР по мере развития ГДР постепенно сходило на нет и превращалось в отноше-

ния экономического, политического, культурного партнерства. При этом постоянно существовало противоречивое сочетание позитивных культурных стереотипов в отношении немцев ГДР с негативным историческим опытом взаимодействия немцев и русских.

Литература

1. Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. — М.: Изд-во политической литературы, 1984. — 126 с.
2. Арсентьева Н. «Лейпциг» в Москве // Огонёк. 1965. № 40. — С. 5.
3. Боровик Г. Час испытаний // Огонёк. 1965. № 23. — С. 26.
4. Боровик Г. Три дня ее жизни // Огонек. 1965. № 49. — С. 23 – 25.
5. Вайс Г. Утром, после войны. — М.: Советский писатель, 1984. — 271 с.
6. Ваншенкин К. Рожденные войной // Вопр. литературы. 1970. № 12. — С. 148 – 149.
7. Ватлин А. Формирование образа «новой Германии» в советской пропаганде начала 50-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — М.: Институт российской истории РАН, 2009. — С. 236 – 254.
8. Вершинин С. Е. Жизнь — это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. — Екатеринбург: Изд-во Гум. ун-та, 2001. — 304 с.
9. Воспоминания москвичей о ГДР: импортные бананы и экспортный социализм. 8.11.2009. <http://news.mail.ru/society/3027476>
10. Гейм С. Сталь — это люди // Огонёк. 1956. № 13. — С. 10 – 12.
11. Гейм С. Победа великой идеи // Огонёк. 1957. № 41. — С.17 – 18.
12. Германская Демократическая Республика. Справочник. — М., 1979. — 177 с.
13. Горчакова Э. Фестиваль в Галле: взгляд со своего берега // Советская культура. 1988. 9 июля — С. 8.
14. Гранин Д. Зубр [Электронный ресурс] // http://modernlib.ru/books/granin_daniil/zubr/read_17
15. Горяева Т. Убить немца. Образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. — С. 40 – 43.
16. Гурков Г. Главный успех // Огонек. 1966. № 41. — С. 4.
17. Гурков Г. Живая вода Шведта // Огонёк. 1971. №9.

⁹ Автору этих строк довелось заниматься переправкой в ГДР журнала «Спутник» разными неофициальными путями.
¹⁰См. неформальные отзывы советских деятелей искусства о ГДР в интересной статье В. В. Нефёдова: [26].

ИССЛЕДОВАНИЯ

— С. 25 – 26.

18. Иванов Н. Встречи в ГДР. — М.: Изд-во политической литературы, 1985. — 271 с.

19. Комлев Н. Deutsches Heute in Gespraech. — М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1961. — 248 с.

20. Конституция Германской Демократической Республики. — Дрезден, 1975. — 60 с.

21. Корольков Юр. В Германии после войны. — М.: Советский писатель, 1951. — 403 с.

22. Линде Г. Берлин говорит «Вилькоммен!» // Огонек. 1963. № 28. — С. 1.

23. Макаренко Я. Белые флаги над Берлином. — М.: Воениздат, 1976. — 271 с.

24. Нагибин Ю. Веймар и окрестности // Огонек. 1956. № 43. — С. 9 – 11.

25. Небольшое путешествие по ГДР. — Дрезден: Цайт им Бильд, 1967. — 83 с.

26. Нефёдов В. В. Культурная политика СЕПГ по пропаганде достижений СССР в ГДР и роль СМИ в культуре Восточной Германии в 70-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им В.Г. Белинского. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 23. — С. 537 – 540.

27. Пивоваров Ю. Стена и Россия. 12.11.2014 [Электронный ресурс] [http:// russiancouncil.ru/inner/?id_4=4762#top](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4762#top)

28. Подключников М. «Фортшритт» — значит прогресс // Правда. 4.07.1988. — С. 5.

29. Почетный гость Дрездена // Огонёк. 1965. № 21. — С. 12 – 13.

30. С днем рождения, республика! // Огонек. 1971. № 40. — С. 3.

31. ССНМ — гвардия молодых. — М.: Молодая гвардия, 1973. — 78 с.

32. Старков А. Пусть звонит колокол // Огонёк. 1957. № 33. — С. 9 – 12;

33. Степанов Л. Будущее Германии — здесь! // Огонёк. 1964. № 41. — С. 2 – 3.

34. Степанов Л. Встречи в Бухенвальде // Огонек. — 1965. - №15. — С. 6 – 7.

35. Степанов Л. Новые легенды Гарца. — М.: Мысль, 1969. — 96 с.

36. Степанов Л. По весенним дорогам // Огонёк. 1966. № 15. — С. 11.

37. Стефан Гейм. Победа великой идеи // Огонёк. 1957. № 41. — С. 18.

38. Театр ГДР 1985 // Театр. 1985. № 10. — С.153 – 191.

39. Туровская М. Предисловие // Сценарии кино Германской Демократической республики. — М.:

Искусство, 1962. — С. 3 – 9.

40. Фрадкин И. Литература новой Германии. — М.: Советский писатель, 1959. — 401 с.

41. Цветкова Н. Послы ГДР // Огонёк. 1971. № 43. — С. 30.

42. Arbeiter- und Bauernfakultät Halle/Saale. <http://www.abf-iva.de>

43. Deutsch. Ein Lehrbuch für Auslaender. Teil I. — Leipzig:VEB Verlag Enzyklopedie, 1965. — 316 S.

44. Die Gedenkstätte Berliner Mauer. <http://www.berliner-mauer-gedenkstaette.de/de/index.html>